

ка, а с другой – обеспечить внесение Россией весомого вклада в развитие экономического сотрудничества в АТР.

Из рассмотренных выше трёх новых проектов региональной интеграции в АТР с точки зрения целесообразности и возможности официального участия России существенную значимость для Москвы в 2012 году представляет только один – Саммит Восточной Азии.

Модель АТС Рада в предложенной компоновке участников не имеет перспектив в целом. Она игнорирует интересы стран АСЕАН, без учёта консолидированной позиции которых создать эффективный институт межгосударственного сотрудничества в АТР невозможно. Великие державы никогда официально не поддержат её в качестве ведущего формата сотрудничества, опасаясь получить со стороны малых государств обвинения в гегемонизме. Позиция России в отношении этой инициативы должна быть не менее взвешенной, чтобы «по старинке» (хотя сегодня для этого и нет оснований) не получить от стран АСЕАН аналогичные обвинения.

Модель ТТП, напротив, имеет хорошие перспективы развития в регионе в целом, так как она предложила необходимый механизм решения проблем в развитии торговой либерализации в АТР, решение которых с опорой исключительно на инструменты и принципы АТЭС спорилось. В ТТП продвижение осуществляется по методу «от достигнутого», и о своём предстоящем подключении к этой инициативе уже заявили США, Австралия и другие значимые государства. Для России же выдвигание и быстрый рост популярности ТТП является единственным звонком – напоминанием о том, что без скорейшего вступления в ВТО Россия останется на экономических задворках региона.

Что касается обновленной версии ВАС, её следует рассматривать как шаг Токио навстречу новой демократической администрации США предпринявшей важные практические шаги к большей вовлечённости многостороннее сотрудничество в АТР в целом и для вступления в ВАС в частности. Москвой в этом направлении также была проделана солидная подготовительная дипломатическая работа, активно поддерживая Вьетнам, который в 2010 г. председательствовал в АСЕАН.

Есть основания полагать, что одновременное «пакетное» вступление России и США в Саммит Восточной Азии произойдёт уже осенью 2011 года. Подобное развитие событий, с одной стороны, приведёт к росту авторитета Саммита Восточной Азии как межправительственного Форума, который по значимости в последние годы уступал АПТ. С другой стороны, с учётом уже предоставленного в 2010 году РФ членства АСЕМ это может стать свидетельством восстановления Россией позиций одного из ведущих геополитических «игроков» Восточной Азии, многом утраченных в последнем десятилетии XX века.

Современные геополитические тренды развития в Северо-Восточной Азии: глокальный срез

Фролова Я.А.

Характерной чертой международных отношений рубежа второго и третьего тысячелетий стало крушение биполярной системы мирового геополитического пространства. Вместо двух практически равных по силе державности противоположных идеологий в разряде глобального доминанта оказалась одна, не имеющая достойной конкуренции. Такая ситуация на региональных уровнях обусловила усиление конкурентной борьбы за место регионального лидера.

Регион Северо-Восточная Азия (СВА) переживает этап сложных и революционных перемен. Масштабы, глубина и динамизм происходящих перемен вывели его по целому ряду параметров на ведущие позиции в мире, заставляя многих говорить о наступлении «тихоокеанской эры». При этом высокая активность геополитических процессов, происходящих в регионе, с одной стороны, связана с растущей конкурентной и лидирующей позицией в регионе, что формирует напряжённость межгосударственных отношений и консервирует застарелые территориально-политические споры, с другой – усиливающиеся процессы глобализации и регионализации активизируют мощные экономические силы, направленные на интеграцию финансовых, сырьевых, трудовых, интеллектуальных потоков в единую систему.

Одной из успешных попыток решения различных проблем, в том числе и проблем обеспечения безопасности в СВА, стал запуск процесса регионализации, в основу которых было положено взаимодействие стран в экономической, политической, культурной и других сферах. Действительно, принцип «открытого регионализма» стал отличительной чертой региона. Именно этот принцип, по мнению С.В. Севастьянова, подразумевает предоставление не только странам региона, но и государствам, находящимся за его пределами, возможность присоединения к процессу.

«Типичное лидерское поведение» характеризуется тяготением к принятию односторонних решений при минимальном их согласовании с партнёрами и инициативный, «опережающий», преимущественно наступательный курс в области военно-политической стратегии и дипломатии; стремление расширять участие и повысить свое влияние в мирополитических процессах, или заставить международное сообщество «считаться с собой» [Воскресенский А. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы 2004. № 2. С. 24].

Пислов С.К. Трансграничное сотрудничество и интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 16.

няться к различным заключенным соглашениям и становиться активными участниками региональных режимов безопасности¹. Принципиальная позиция, сформулированная в концепции «открытого регионализма», заключается в том, что региональное сотрудничество между восточноазиатскими странами должно осуществляться с упором на интересы глобального экономического сотрудничества.

Говоря о стерже современной геополитической ситуации восточной Азии, в частности, большинство политологов сходятся во мнении, что таковым является ось «Вашингтон–Пекин», вокруг которой группируются факторы, влияющие на формирование американской политики в регионе². Другим фактором американской политики как в Азии, так и в исследуемом регионе стало растущее осознание собственной уязвимости³.

Тот факт, что в Пекине подчёркивают мирный, неконфронтационный характер возвышения Китая, его принципиальные отличия от традиционных военно-политических, гегемонистских сверхдержав недавнего прошлого, в глазах Вашингтона мало что меняет. Если американские исследователи могут позволить себе порассуждать на тему, когда при каких условиях нынешняя «расчётливая» политика Пекина по отношению к США, соседям и миру в целом сменится «напористой» государственными деятелями здесь традиционно привыкли принимать расчёт совокупную мощь государства, одним из главных элементов которой является военная составляющая⁴.

Именно поэтому американские политологи оперируют категорией не «мирного возвышения», а «подъёма Китая» как фундаментального зова США, стратеги же выстраивают свои упреждающие модели действий, прежде всего, с целью нейтрализации растущего силового потенциала восточно-азиатского гиганта. Они предпочитают акцентировать внимание на возможности реализации Пекином программы «Большого Китая» (The Great China), на том, что структурные американско-китайские противоречия труднопреодолимы и что действия Пекина всё больше

¹ Севастьянов С.В. Расширение повестки сотрудничества как возможный путь к повышению роли АТЭС в регионе // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 57; Севастьянов С.В. Глобализм в Восточной Азии и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 102.

² См.: Воронцов А. Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 27.

³ Братерский М.В. Вашингтон и новые региональные державы Азии: США – Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 3. С. 39–40.

⁴ Лузянин С., Сафронова Е., Свешников А. Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 56–57; Бергер Я. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 37.

направленными на ограничение влияния США в СВА посредством участия региональных организаций без американского участия.

Анализ же проводимой в регионе политики США позволяет сделать вывод о том, что страна нацелена на сохранение военно-политического статуса с целью закрепления существующего доминирующего положения в регионе. Одновременно США добивается от союзников увеличения роли в укреплении взаимной безопасности путём расширения возможностей использования их территорий, инфраструктуры и ресурсов. Именно это может позволить стране осуществлять контроль над международными процессами и сохранением своего военного присутствия в регионе.

В специальном докладе Пентагона, опубликованном в феврале 2006 г., обозначена необходимость наращивания американских сил в Тихом океане обоснованность «ощущением растущей стратегической угрозы со стороны Китая». Из текста этого документа следует, что в администрации США признают возможность внезапным ударом нарушить систему управления силами, возможность войсками в регионе и существенно сократить их действия.

Китайское правительство придерживается стратегии развития, де-юре которой стало «мирное возрождение», базирующееся на понимании Китаем своих внутренних задач и международной ситуации. Предупреждается продолжение политики реформ и расширение межгосударственных связей, совершенствование рыночной экономики, ускорение процесса модернизации, обеспечение устойчивого и здорового экономического развития и постепенное повышение уровня жизни населения⁴.

Произошли существенные изменения и в стратегии безопасности, которая меняется как сама трактовка понятия национальной безопасности,

¹ Решение тайваньской проблемы входит в прямое противоречие с интересами США и Японии, стремящихся, опираясь на Тайвань, усилить своё присутствие в США. Поглотив экономически и технологически высокоразвитый Тайвань, КНР сделает ещё один чрезвычайно важный шаг на пути к «Большому Китаю», получив при этом возможность контролировать западную часть Тихого океана. В то же время он обретёт существенно больший контроль над морскими коммуникациями в Южно-Китайском море, включив в сферу своего влияния Южно-Восточную Азию вплоть до Сингапура, что будет означать возникновение своеобразного «китайского замка» в Малаккском проливе – воротах на важнейшем пути из Индийского океана в Тихий, по которому идут танкеры с энергоснабжающей нефтью.

² Арсентьев Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и вызовы. – М.: Международные отношения, 2007. – С. 85.

³ Quadrennial Defense Review Report [Электронный ресурс], 2007. Режим доступа: <http://www.defenselink.mil/qdr/report2006>. Дата обращения 01 августа 2007 г.

⁴ Лю Циндай. Современная внешняя политика Китая и китайско-российские отношения // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 5. С. 54.

так и средства её обеспечения. Перенос конфронтационной методологии определения интересов национальной безопасности на новые политические реалии постепенно укрепляется многофакторным видением мира. Источники угроз национальной безопасности считаются более разнообразными, чем в годы «холодной войны»¹. Китайская военная доктрина выражена в стратегии «активной обороны», суть которой заключается в том, что страна не нападёт первой, пока против неё не совершена агрессия, однако в случае нападения ответит контрударом. В обстановке, когда механизм безопасности в СВА ещё недостаточно отработан, Китай должен, с одной стороны, укреплять двусторонний диалог и консультации, а с другой – развивать многостороннее сотрудничество².

Осознание Китаем факта, что с момента распада СССР именно ему суждено занять на международной арене позицию основного соперника США, по крайней мере, в СВА, не было воспринято воодушевлением. Страна к новой роли не рвалась, однако постепенно вызов времени осознан и принят в полном масштабе. Заложив внушительный экономический фундамент, Поднебесная стремится укрепить свои политические позиции на международной арене, нарастить стратегическую мощь, чтобы на равных с мировыми лидерами участвовать в формировании нового миропорядка³.

При принятии внешнеполитических решений следует отказаться от заблуждения, что Китай позиционирует себя как антиамериканская сила. Об этом свидетельствует визит госсекретаря США Х. Клинтон в КНР, сделанный в начале 2009 г., вскоре после вступления в должность новой президентской администрации Барака Обамы.

Многогослойность американской политики связана с тем, что, с одной стороны, Китай – потенциальный региональный соперник, с другой – крупнейший торговый партнёр, готовый к сотрудничеству. Основными прорывов с длительными периодами охлаждения⁴. Соглашаются с наличием существенных противоречий с США, Поднебесная осознаёт возможности и пределы американской политики «сдерживания-возвращения» в отношении себя. При этом Пекин не отказывается от мирной конкуренции с США и попыток уравновесить американское лидерство с помощью наращивания собственной «мягкой власти», популярности

¹ Михеев В. Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 4. С. 56.

² Юй Сяогун. Китайская стратегия национальной безопасности в АТР // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 44.

³ Зыков А.А., Шинковский М.Ю. Россия в системе трансконтинентального сотрудничества в АТР: поиск пути // Россия и современный мир. 2009. № 4. С. 100.

⁴ Брусенцов И. Военно-политическая обстановка в АТР // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 8. С. 5.

рута привлекаемые для определенной части мира собственные ценности.

Менее заметной на фоне глобальных тенденций, но весьма ошутливой на региональном уровне стала и линия соперничества «Япония – КНР», концентрирующаяся вокруг вопроса о лидере в регионе в оборонительной перспективе². Рост китайской экономики на фоне дефляционных тенденций в Японии не может не вызывать озабоченности со стороны японских экспертов. Китай не только превращается в главного конкурента Японии в АТР, но и оказывает негативное влияние на её экономическую деятельность. Действуя не столько непосредственно против Японии, сколько в духе конкуренции с США, Поднебесная существенно затрагивает стратегические нефтегазовые интересы Токио.

В настоящее время в основе региональной политики Японии лежат четыре основных принципа: антимилитаризм, сохранение договора безопасности с США, паназиатизм и экономический прогресс в интересах развития всех стран региона. Вовлекая страны в орбиту своей внешнеэкономической стратегии, Япония преследует цель постепенного устранения комплекса негативной для страны исторической памяти времён Второй мировой войны, создавая при этом благоприятный режим для японских предприятий, действующих на территории стран региона.

Японские геополитические интересы по-прежнему не выходят за рамки АТР, хотя время от времени в политическом истеблишменте возникают реваншистские настроения, направленные на возрождение Японии как главной региональной державы. Исходя из складывающихся в регионе новых реалий в экономической, политической и других областях, Токио проводит курс на укрепление всесторонних отношений со странами региона⁴.

¹ Козырев В. Хронические конфликты и фактор Китая в АТР // Международные процессы. 2006. № 2. С. 64.

² В декабре 2004 г. японское правительство опубликовало основные положения новой военной доктрины, в которой Китай впервые был назван потенциальным противником. А в феврале 2005 г. была принята совместная декларация, в которой обеспечение безопасности в зоне Тайваньского пролива было названо «ключевой стратегической задачей Японии и США». Подписание японским правительством этого документа означает отказ от политики одного Китая и переход на позицию Вашингтона, который номинально признаёт Тайвань частью Китая, но обязуется защищать его от Пекина [Володин Д. США, Китай и новое военное стратегическое уравнение в АТР // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2. С. 78].

³ Саллин-Силанович Ю. КНР – Япония. Кто будет лидером в Восточной Азии? // Азия и Африка сегодня. 2007. № 2. С. 25–26.

⁴ Круляк М.И., Арешидзе Л.Г. Япония в Восточной Азии: эволюция внешней политики после «холодной войны» // Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. № 2. С. 51.

Отношения с США занимают беспрецедентное место не только в формировании внешнеполитического курса страны, но и в менталитете японцев. Можно согласиться с утверждением С. Чутрова, что «политика США стала политико-образующим фактором для Японии»¹. Познизируя себя как военно-политического союзника, что, кстати, воспринимается как отсутствие собственных стратегических устремлений, Япония стремится освободиться от статуса «опекаемого клиента» и стать равноправным партнёром². На пути реализации «интересов возвышения» страна стремится трансформировать свою экономическую мощь в политическое влияние, а дипломатическую активность – в политико-экономические дивиденды. Взрывоопасная ситуация на Корейском полуострове в Тайваньском проливе способствует формированию у руководства Японии твёрдого убеждения в том, что наиболее надёжным способом обеспечения национальной безопасности является укрепление её военного союза с США, а не сотрудничество в рамках коллективной безопасности на региональном уровне.

В XXI в. геополитические интересы России в СВА находятся под воздействием перегруппировки сил и становления многополярной системы международных отношений. Катастрофическое уменьшение регионального геополитического потенциала привело к тому, что Россия пока в большей мере выступает в роли объекта, чем субъекта мировой региональной политики. В этой связи велика вероятность возникновения ревизионистских и реваншистских настроений в странах, не удавшихся в творческих существующим в регионе статус-кво.

В военной доктрине России, принятой до 2020 г., указано, что «основное развитие на современном этапе характеризуется ослаблением и деградацией военной мощи, снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств и союзов и ростом влияния других, ... сохраняются тенденции к силовому разрешению многих региональных конфликтов, в т.ч. в регионах, граничащих с Россией»³.

Несмотря на очевидные (и исторически традиционные) приоритеты своей «атлантической» и континентальной внешней политики, РФ в последнее время настойчиво позиционирует себя в качестве тихоокеанской державы. Особенности интеграционных процессов объективно со-

¹ Цит. по: Чутров С. Япония – США: искажённое взаимовосприятие // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 50.

² Шинковский М.Ю. Современная геополитика в Северной Пацифике: геополитический срез // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып. 2 / науч. ред. М.Ю. Шинковский; под общ. ред. Н.В. Котляр. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 82.

³ Цит. по: Военная доктрина РФ до 2020 г. (Указ президента РФ Д.А. Медведева от 5 февр. 2010 г. № 146) [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>. Дата обращения 07 февраля 2010 г.

важно для страны весьма благоприятные экономические и политические возможности регионального сотрудничества. К сожалению, «азиатский вектор российской политики пока ещё недостаточно развит. Мешает и отсутствие политической воли, и традиционный европоцентризм отечественного истеблишмента и уже существующие маршруты сбыта наиболее рентабельных товаров. Российской политике на азиатском направлении порой недостает активности, господдержки развития экономических связей, включенности в механизм регионального сотрудничества и региональных организаций безопасности (за исключением ШОС)»¹.

В одной из своих публикаций в качестве президента РФ В.В. Путин в ноябре 2000 г. заметил: «Россия всегда опущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, что пришло время нам вместе со странами, входящими в АТР, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи...»². В этих словах очевидно не только ретроспективный взгляд в прошлое, но и обращение к читателям ближайшего будущего по определению цивилизационной идентичности России, её роли и места в азиатском сообществе.

Между тем, по точному замечанию В.Л. Ларина, в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года», выступающей в качестве официально утверждённой системы стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, «безопасность на востоке как приоритет не обозначена, ... стратегия ориентирована на Европу и Атлантику, ... в числе выделенных географических приоритетов – СНГ, ЕС, США, НАТО, ... в документе отсутствует даже упоминание АТР»³.

Реальное российское присутствие в регионе в настоящее время обобщается преимущественно через Дальний Восток и Восточную Сибирь. Львиная доля всех экспортно-импортных операций приходится на «исчерпо-тихоокеанскую четверку» – Японию, КНР, Республику Корея и США. При этом вне России сформировался устойчивый взгляд на её

¹ Гарусова Л.Н. Азиатско-Тихоокеанский регион: фактор России // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография / науч. ред. А.Б. Волыничук; под общ. ред. И.А. Фроловой. – Владивосток: Дальнаука, Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 181, 182.

² Цит. по: Титаренко М. Российские интересы в АТР и принципы формирования азиатской политики России в первой половине XXI века // Азия и Африка сегодня. 2005. № 4. С. 2.

³ Цит. по: Ларин В.Л. Концепция национальной безопасности РФ: плюсы, минусы, проблемы и перспективы / ИИАЭ ДВО РАН // Стратегия национальной безопасности РФ в контексте обеспечения безопасности Тихоокеанской России: материалы круглого стола (Владивосток, 23 апр. 2010) // У карты Тихого океана: информ.-аналит. бюл. 2010. № 15 (213). С. 3.

тихоокеанскую часть. Смысл заключается в том, что ресурсы Сибири Дальнего Востока – достояние не только России, но и всего мира. И наиболее несомненно российское правительство эффективно использовать своим стратегическим резервом, тем пристальное внимание уделять ей (стране) распоряжаться ими (ресурсами) рационально¹.

Не стоит забывать, что структурообразующим стержнем политической организации на российском Дальнем Востоке, как и во всей России, выступила ось «центр – регионы». Однако, по точному замечанию М.Ю. Шинковского, «в отношениях, которые складываются между бывшим дальневосточным образованием и федеральным центром, накладываются две опасности. С одной стороны, Москве подчас не хватает гибкости, тонкости и чувства контекста при оценке процессов глобальной политики – органы власти субъектов федерации в своей международной деятельности руководствуются скорее геоэкономическими, геополитическими соображениями, так как именно с ними связаны решение проблем своего жизнеобеспечения². Выбрав линию частного субсидирования дальневосточных регионов, центр не стремится установить полный контроль над ними и не желает полностью брать себя их финансирование³.

Стоит согласиться с Л.Е. Бляхером в том, что «регион каждый оказывается важен не сам по себе, а как средство для достижения чего-то внешнего по отношению к нему»⁴. Показательно, что даже в провозглашенной концепции социально-экономического развития Дальнего Востока (2007 г.) основное место отводится описанию социально-экономического положения стран АТР. Дальний Восток оказался «дальним» только собственной столицы. По соседству с ДВФО появляются многочисленные «глобальные города» (Токио, Осака, Гонконг) с качественно активной экономикой, втягивающей в себя хозяйственные системы

¹ Подр. см: Богатуров А.Д. Российский Дальний Восток в новых геостратегических измерениях Восточной Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10.

² Цит. по: Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития Российского Дальнего Востока // ПОЛИС. Полит. исслед. 2004. № 5. С. 317.

³ В данном случае срабатывает принцип «финансирования на паху», частично из федерального, частично из бюджетов регионов. Однако именно линия и породила острейший конфликт между интересами московских чиновников и дальневосточных элит.

⁴ Цит. по: Бляхер Л.Е. Трансграничное сотрудничество: экономические годы и политические проблемы, или интеграция несетевых сетей желтого цвета // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография / науч. ред. А.Б. Волынец; под общ. ред. Я.А. Фроловой. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. С. 317.

связующей их периферии. Невозможная ориентация периферийного региона на города-кварты в глобальный мир» вступает в противоречие с идеями форпоста. А образ окружающей («враждебной») внешнеполитической среды трансформируется в идею «демографического давления» на территории, в среду, которая способна «поглощать» регион¹.

(Убедить осторожность российской дипломатии на дальневосточном направлении ссылкой на здоровые политико-психологические реалии недостаточно. Речь идет об отражении специфики реальных приоритетов российской политики на Дальнем Востоке и не столько о сохранении формальной территориальной целостности России, сколько о поддержании фактической эффективности целостности федерального правительства над регионом. Беспокойство вызывает и тот факт, что сохранение роли маргинального в системе приоритетов российской политики обрекает его на дальнейшее «утопание» в экономических условиях сопредельных государств и развитие по тем траекториям, которые России не выгодны².

Как верно замечает Л.Г. Арешидзе, «стихийность в развитии связей Дальнего Востока со своими географическими соседями в регионе и в начале 1990-х, и в 2000-х гг. ещё больше усилила дисбаланс между богатыми природными ресурсами, с одной стороны, и малой численностью населения и собственными возможностями для инвестиций – с другой. Имущественная Россия за годы реформ все очевиднее утрачивала естественные связи с остальной частью страны, но при этом так и не сумела в какой-либо мере включиться в международное сотрудничество в СВА»³.

В начале XXI в. правительство России уделяет развитию Дальнего Востока заметно больше внимания, чем в предыдущее десятилетие. В рамках ДВФО реализуется несколько федеральных целевых программ: экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья (перриод до 2013 г.) (включая подпрограмму «Развитие города Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР»), «Социально-экономическое развитие Курильских о-вов на 2007–2015 гг.», направленного на развитие регионов с учетом геостратегических интересов РФ.

¹ Цит. по: Бляхер Л.Е. Трансграничное сотрудничество: экономические вызовы и политические проблемы, или интеграция несетевых сетей желтого цвета // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография / науч. ред. А.Б. Волынец; под общ. ред. Я.А. Фроловой. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. С. 317.

² Фролова Я.А. Тихоокеанская Россия в Северо-Восточной Азии: проблемы геополитического сотрудничества // Гуманитарные исследования в Восточной Азии. 2010. № 4. С. 44.

³ Цит. по: Арешидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Проблемы и перспективы. – М.: Междунар. отношения, 2007. – С. 246–247.

И в отличие от 1990-х гг., когда федеральные программы хронически недофинансировались и порождали долгострой, сегодня целый ряд важнейших инфраструктурных объектов уже введены в эксплуатацию или близки к этому. Среди них следует отметить автодороги «Самара» и «Амур», магистральный газопровод «Сахалин – Хабаровск – Владивосток», Тугурскую приливную электростанцию, Бурейскую гидроэлектростанцию, нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО)¹. Развив последний проект на два участка, Россия получила возможность порознь вести переговоры по внешнеполитическим проблемам и с Китаем, и с Японией². По верному замечанию Л.М. Медведевой, «перспективы развития России во многом будут зависеть от того, какое место она сумеет завоевать в системе меняющихся отношений в АТР... Одно из условий взаимовыгодного сотрудничества России со странами региона – создание комфортного надёжного коммуникационного поля, соответствующего стандартам мирового транспортного рынка»³. Действительно, нефтяные и газовые новостройки, превратившиеся со временем в «артериальную сеть», которая свяжет всю Тихоокеанскую Россию в единый регион, послужат стимулом развития сопутствующих производств. На ко-

¹ Подр. см: Козлов Л.Е. Точки пересечения внешней и региональной политики России на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4; Минакир П.А., Деваева Е.И. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1.

² Очевидным представляется, что решение высшего руководства страны в строительстве системы «ВСТО» следует расценивать как судьбоносное макроекономическое решение самой России, так и для внешней и внутренней политики страны. Основанием для такой оценки являются, прежде всего, масштабы региона, падающего в сферу деятельности данного проекта. Это два федеральных округа – Сибирский и Дальневосточный, включающие 26 субъектов РФ. По площади – это больше половины страны! То, что маршрут будущей системы пройдёт в основном по южной части региона и, таким образом, охватывает не весь регион, не более чем поверхностное впечатление. ВСТО замыслена как собирающая всю нефть, которая будет поставляться из глубин центральной и северной частей региона из новых месторождений по новым региональным транспортным маршрутам. Шинковский М.Ю. Северо-Тихоокеанская интеграция: российский Дальний Восток и проблемы безопасности // Российский Дальний Восток в азиатско-тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып. 2 / науч. ред. М.Ю. Шинковский; под общ. ред. Н.В. Котляр. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 249].

³ Медведева Л.М. Политические проблемы развития транспорта России на Дальнем Востоке // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып. 2 / науч. ред. М.Ю. Шинковский; под общ. ред. Н.В. Котляр. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 286.

наиболее удачных тропических регионов можно ожидать создания предприятий совершенно новой для этих мест отрасли – нефтехимической, что принесёт к существенной диверсификации всей структуры занятости населения.

Большая возможность сотрудничества содержится в планах решения задачи подъёма Дальнего Востока, в сопряжении их с решением принципиальных задач развития северо-восточных регионов Китая. Так, в сентябре 2009 г. была одобрена программа сотрудничества между Дальним Востоком и Восточной Сибирью РФ и Северо-Востоком КНР (2009–2018 гг.)¹.

Именно трансграничное сотрудничество дальневосточных субъектов РФ с регионами-соседами представляет собой эффективный способ преодоления многих политических завалов и тупиков, оставшихся со времен холодной войны, снижения уровня недоверия к нашей стране и укрепления ее роли в АТР². Ключевой политической целью развития трансграничной региональной деятельности на Дальнем Востоке является выделение единого пространства с экономикой сопредельных стран. «Актуальность» региона в подобное пространство обеспечит эффективное распределение ресурсов и их использование для структурных преобразований в экономике³. Проблема осуществления геостратегических интересов России на Дальнем Востоке является одной из ключевых не только в связи со стратегической важностью региона СВА, к которому

¹ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kr.ru/daily/24378/559291>. Дата обращения 26 декабря 2009 г.

² Трансграничная кооперация превращается в важный инструмент расширения и углубления интеграции в АТР, а её отдельные локальные проявления суммируются в большей степени начинают оказывать воздействие на геополитическую ситуацию в регионе. Практика показывает, что формы, содержание и интенсивность трансграничных взаимодействий во многом определяются стратегическими целями государств-участников, их представлениями о взаимных выгодах и перспективах включённости в такого рода активную интеграцию. Шенцов С.К. Геополитические эффекты трансграничных взаимодействий в Азиатско-Тихоокеанском регионе: линии сближений, разделов и противоречий // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография / науч. ред. А.Б. Волынец. – под общ. ред. Я.А. Фроловой. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 177].

³ Волынец А.Б. Геополитическая экспертиза трансграничных территорий // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография / науч. ред. А.Б. Волынец. – под общ. ред. Я.А. Фроловой. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 155.

географически относят Дальний Восток, но и в связи с тем, что ни где в России внутрисударственные факторы так сильно не влияют на внешнеполитические позиции, национальную и региональную безопасность, как на Дальнем Востоке¹.

Территориальная близость стран региона обязывает сформировать долгосрочную стратегию существования, которая не может существовать в изоляции. По мнению П.Я. Бакланова, «в настоящее время в АТР формируется геополитическая структура с такими основными геополитическими центрами, как США, Китай, Япония и Россия. Основные геополитические оси, т.е. достижение устойчивого партнерства между странами как в экономической, так и в военно-политической сферах, видятся между США и Японией, Японией и Китаем, Китаем и Россией, США и Китаем, Россией и США, а также Японией и Россией. От того, какая геополитическая ось будет доминирующей, и будет зависеть ведущая тенденция геополитических процессов в регионе. Очевидно, что в новых глобальном и региональном контекстах наиболее желательный (но отнюдь не легкодостижимый) вариант для России — сделать свои взаимоотношения с КНР и США, равно как с другими странами региона, дополняющими друг друга и обеспечивающими региональную стабильность и безопасность.

Тихоокеанская Россия есть и в перспективе останется российской территорией, граничащей с крупными странами мира, геополитические интересы которых в регионе могут только усиливаться при почти одновременном возрастании геополитических потенциалов этих стран². Россия останется в плену антиамериканских иллюзий и настроений, она отстанет от процесса конструктивного взаимодействия с США и падом в надежде укрепить дружбу с Китаем. Это уменьшит ее конкурентные преимущества и ослабит политические позиции, в том числе США. Кроме того, Россия может остаться под влиянием политических соблазнов играть на китайско-американских и китайско-японских отношениях, ища тактическую выгоду, но упуская при этом стратегические перспективы. Следует вести дело к многоуровневой сети многосторон-

¹ См.: Рубан Л.С., Катаева Е.Г., Хегай В.К. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке: монография. — М.: Наука, 2006. — 404 с.

² Цит. по: Бакланов П.Я. Геополитические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Актуальные проблемы политической географии и геополитики: материалы всерос. науч. конф. (5–8 декабря 2005 г.). — Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2005. — С. 8–9.

³ Подр. см.: Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных территорий // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография науч. ред. А.Б. Волыничук; под общ. ред. Я.А. Фроловой. — Владивосток: Дальневосточная государственная академия геогр. наук, 2010. — С. 75.

мнения и форумов безопасности на региональном и субрегиональном уровнях.

Следует разделить мнение Л.Н. Гарусовой, что, к сожалению, накопленный опыт регионального сотрудничества России со странами АТР не имеет ни малейшего значения для исключительно оптимистических прогнозов. Возможно выделить два наиболее вероятных варианта (алармистский и умеренно оптимистический) развития Дальневосточного региона России в контексте его участия в интеграционных процессах АТР. Пессимистичный вариант предполагает, что шансы России присоединиться к интеграционным процессам в АТР в качестве полноценного и полноправного участника весьма незначительны. Низкий технологический уровень экономики Дальнего Востока, её несомасштабность рынкам, миграционный дефицит населения и другие факторы препятствуют продуктивному включению России в региональные интеграционные процессы. В соответствии с пессимистическим вариантом наша страна окажется вовлеченной в проблемные ситуации (организованная преступность, нелегальный оборот наркотиков и мигрантов, контрабанда леса и рыбы, коррупция) в зоне усиливающегося геополитических интересов ряда стран к ресурсно насыщенному Дальнему Востоку. В соответствии с пессимистическим вариантом прогноза шансы потерять свой Дальний Восток у России весьма высоки при условии, если будет развиваться только его сырьевая зависимость. Данный прогноз, описывающий реальную ситуацию, сосредоточивается преимущественно на её негативных аспектах. Но, оставаясь только в его формате, Россия будет продолжать неверно трактовать реальные угрозы, исходящие из АТР, как опасность демографической

угрозы. «Разворот» АТЭС в сторону решения политических вопросов является прямой реакцией на угрозы безопасности. Сторонники политической ориентации АТЭС считают, что в нынешнюю эпоху напряженной глобальной и региональной конкуренции нельзя рассматривать экономическую интеграцию как единственную силу, определяющую стабильность мира [Сизоненко А. Консорциум научных центров АТЭС и проблемы безопасности в АТР // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 81]. Профессор Л.Ф. Пахомова (Институт востоковедения РАН) и директор центра АТР Института Латинской Америки РАН А.И. Сизоненко обращают внимание на растущее противоборство между странами региона в вопросах политизации деятельности АТЭС. Участники форумов считают естественным, что форум будет заниматься выработкой решений по главным проблемам политического, дипломатического и военно-политического характера без обращения к вопросам территориальных споров между странами участниками. Исходя из этого, своевременной представляется постановка задачи об активизации военного сотрудничества, в том числе о противодействии террористической деятельности в рамках данной организации [Фролова Я.А. Терроризм: безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе: роль форума АТЭС // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 66].

или экономической экспансии восточносибирских и дальневосточных регионов России.

Второй, сравнительно оптимистичный вариант прогноза, констатируется в основном на необходимости государственной поддержки Дальневосточного региона. Он предполагает, что с помощью федерального центра регион сумеет влиться в интеграционные процессы Азиатско-Тихоокеанского региона в качестве ресурсно-сырьевого участника с элементами «интеллектуального экспорта». Эти меры в основном сводятся к принятию новых и полноценному финансированию уже имеющихся программ развития Дальнего Востока и Забайкалья; проведению эффективной демографической и миграционной политики, включающей интенсивное заселение пустующих территорий; предоставлении льгот и гарантий отечественным и иностранным инвесторам при общем оздоровлении регионального инвестиционного климата и т.д.

В условиях непосредственного соседства с крупнейшими мирами «центрами силы» российский Дальний Восток должен стать ключевым геополитическим регионом страны. Его стратегическое значение устойчиво возрастает и в перспективе будет возрастать ещё в большей мере в связи с активно происходящими в сопредельных странах экономическими, демографическими и военно-политическими процессами.

Раздел II

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ РЕГИОНА

О характере взаимоотношений гражданского общества и государственной власти в странах Восточной Азии

Севастьянов С. В.

В середине 1990-х годов возобновился интерес к исследованию регионов, который выразился в появлении научного направления, получившего название «нового регионализма», во многом вызванного неслыханно классической теорией интеграции объяснить процессы сотрудничества за пределами Европы. Сторонники новой научной концепции стремились усовершенствовать теорию международных отношений путем её адаптации на региональном уровне, уделяя значительное внимание проблематике региональной идентичности и расширению классических моделей за счёт введения дополнительных акторов, таких как неправительственные организации (НПО), общественные движения и др. Важной особенностью этой концепции является положение о том, что основными акторами регионализма являются:

1) государства, международные правительственные организации (МПО);

2) экономические структуры (ТНК, бизнес-ассоциации);

3) гражданские сообщества (от НПО до общественных движений).

В условиях глобализации роль неправительственных акторов (экономических структур и гражданского общества) значительно возрастает, однако это не значит, что они становятся автономны от деятельности государства. Государства играют важную роль в создании условий, стимулирующих неправительственным акторам реализовывать свои интересы, в том числе принимают меры, обеспечивающие свободное передвижение по миру людей, товаров и услуг (подписывают межправительственные соглашения, снижают тарифы, развивают транспортную инфраструктуру и т.д.).

Владея огромным финансовым, кадровым, технологическим и прочим потенциалом, транснациональные корпорации (ТНК) оказывают весьма существенное влияние на региональные политические и экономические процессы. Именно это усиление роли ТНК, в том числе по сравнению с национальными государствами, вызвало обеспокоенность тем, что в условиях нацеленности ТНК на получение прибыли без особого учёта интересов рядовых граждан рост этого влияния ведёт к на-

¹ Подр. см: Гарусова Л.Н. Азиатско-Тихоокеанский регион: фактор сии // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран ато-Тихоокеанского региона: колл. монография / науч. ред. А.Б. Волынский под общ. ред. Я.А. Фроловой. - Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2001. С. 187-189.